

Идефикс

Умке

- Привет, - сказала девушка на мониторе и, как мне показалось, принужденно улыбнулась.

- Привет, - ответил я. Эту девушку звали Ума и видел я ее в первый раз. Кто бы это ни был, ей что-то от меня было нужно.

- Классный дневник, - продолжила девушка.

Она случайно забрела в мои онлайн-дневники и увидела мой адрес в профиле. Наверное.

- Не похоже на шизофрению, - серьезно сказала моя новая знакомая и внимательно посмотрела мне в глаза. Есть такие люди, которые любят играть в гляделки.

- Не похоже, - согласился я.

- У тебя в интересах написано, - все так же испытующе смотрела Ума.

Верно. У меня в интересах написано "шизофрения". Это началось с раннего детства.

- Ты псих, - сказал Миха. Сам он не был психом – он был самым адекватным человеком, которого я тогда знал, поэтому с трудом понимал мое поведение.

Моя комната была увешана картинами моего же собственного производства. Я никогда не рисовал красками, только ручкой. Всегда одного и того же цвета. Дедушка Фрейд бы заплакал, увидев их. Это не я придумал.

- Дедушка Фрейд бы заплакал, увидев твои картины, - сказал Стас. – Нам читали психологию по Фрейду. Эти картины писал похотливый юнец с ярко выраженным себялюбием и равнодушный ко внешнему миру.

Жалко, что Фрейд уже умер, подумал я тогда. Я никогда не видел, как плачут знаменитые психологи, и мне было интересно.

Вообще-то я не считал себя шизофреником. Мне просто нравилось называть себя шизофреником, хотя я и не знал, что такое шизофрения. Мне нравилось, когда Миха называл меня психом. Может, я действительно псих, думал я иногда. Просто это не очень заметно.

- Это не проявляется внешне, - пояснил я Уме. – Но в душе я ууу... такой шизофреник, ты себе просто не представляешь. Если бы кто-нибудь узнал, меня бы сразу увезли.

- Ну почему же. Не всех увозят в дурку, - сказала девушка с монитора. Она продолжала меня изучать. По крайней мере, мне казалось, что она меня изучает.

- Некоторые так и живут всю жизнь. Я одного знаю мельком, так у него офис на Верхнем Ярусе.

Похоже, она знала предмет лучше меня. Зато я, хоть и не разбирался в нем, но любил его всей душой. Или, если не всей, то во всяком случае кусочком своей души.

- Ты псих, - сказал Подше, когда мы выходили из его подъезда. Я тогда бросил ароматическую палочку в мусоропровод. – Если твоя палочка упадет в сухую бумагу, начнется пожар.

- Не начнется, - бодро ответил я. – В мусоропроводе всегда влажно, там обычно валяются шкурки от бананов и бутылки с недопитым пивом. И вообще.

Это был мой любимый аргумент. Когда не знаешь, что еще добавить, можно сказать "и вообще", даже если сам сомневаешься в своей правоте. А я

усомнился в правильности своего поступка, когда палочка еще не достигла дна мусоропроводящей трубы. Мне не хотелось, чтобы подшин подъезд сторел. С кем бы я тогда играл в преферанс по четвергам? Хотя я не очень любил преферанс, но зато любил четверги.

- Ну что ж, у всех свои странности, - снисходительно заметил Подше. – У тебя палочки, у Цуха – злонегги.

-... Злонегги, - сказал Цух, менее известный как Дима Цукинин, весело поблескивая на меня своими очками с монитора. – Свеениях.

Злонегги – это слоники. Если привыкнуть, то в его речи можно научиться видеть смысл. Моя сестра тоже любит коверкать слова, но она научилась у Цуха. Цух был первым. Первым, кто начал коверкать слова, но не первым, кто был сейчас у меня на связи.

- Мнэмнэ, я тут немножко занят, - сказал я Цуху. – Ты бы не мог подождать?

- Мог бы, - ответил Цух и исчез с монитора, на прощание сверкнув очками. Я никогда не мог понять, как он это делает – сверкает темными очками. Может, это специальные очки? Или так умеют делать только те, кто верит в Злонеггов? Вместо Цуха на экране снова появилась Ума. О чем это мы говорили?

- Мы говорили о том, что это не шизофрения, - напомнила Ума.

- Ты права, - признался я. – На самом деле я не шизофреник. Я просто романтизировал болезнь.

- Ты не знаешь, что романтизируешь, - заметила Ума. – Ты бы поизучал сначала. Ведь если ты узнаешь, что твой знакомый – шизофреник, ты вряд ли будешь продолжать с ним знакомство.

Вот тут она была неправа. Я был готов поспорить с ней на что угодно, но не знал, как доказать свою правоту.

- Думаю, что ты неправа, - осторожно поспорил я. – Мне было бы интересно познакомиться с шизофреником. Я всегда хотел узнать, что это такое.

- Будет интересно – обращайся, - усмехнулась Ума.

Это был интересный пассаж. Впрочем, я оказался прав – мне захотелось продолжить знакомство несмотря на диагноз. Ведь я правильно понял намек?

- У тебя действительно психические отклонения? – осторожно осведомился я.

- Угу, - кивнула девушка. – Ты, наверное, сейчас отключишь связь, но я тебя не держу. Уже привыкла к такой реакции.

Вот уж нет. Меньше всего на свете мне сейчас хотелось дисконнекта. Я помотал головой.

- Расскажи мне о себе, если несложно, - попросил я.

- Чего тут рассказывать. Если интересно – читай мой профиль, там все написано.

Хорошо, когда у человека все написано в профиле. Хуже, когда все написано на лице, как у Лемиха.

- Я ненавижу инков, - сказал как-то Лемих, – они все были красными.

Лемих ненавидел всех – коммунистов, демократов, евреев, негров, русских, буддистов, христиан, зеленых, расистов и любителей пива. Лемих был неоанархистом, и это был его фетиш.

- Это юношеский идефикс, - сказал Подше. – У всех есть свой юношеский идефикс.

- И у тебя? – ехидно осведомился Лемих.

- У меня нет, - ответил Подше. – А если и есть, я об этом никому не скажу, а сами вы все равно не заметите.

Да, Подше не был похож на человека, у которого есть свой идефикс. Он даже не был тру.

- Тру – это круто, - сказал Киря. – Если ты не тру – ты гей. Надо быть brutальным.

Киря не был brutальным. Он был милым милым мальчиком и увлекался игрой на гитаре. Но у него был свой идефикс. Впрочем, это был не его идефикс. Он позаимствовал его у норвежцев. Или у шведов.

А Цух позаимствовал его у Кири. Идефикс редко случается у одного человека – его гораздо проще возвращать коллективно.

- Ася is gay, - сказал Цух.

– Потому что она не true, - подхватил Киря.

- Я тоже не тру, - осторожно заметил я. – Значит, я гей?

- Ты злонег, - сказал Цух.

... Мы пили тогда на крыше впятером. Хорошо сидеть на крыше с симпатичными тебе людьми и смотреть на ярко-красный закат, разливающийся над рекой. В воздухе пахло остывающим гудроном и шишками, но когда ты смотрел на реку, ты чувствовал ее запах – запах тины и речной рыбы. Похоже, я становлюсь сентиментальным, подумал я.

- Терпеть не могу сентиментальных личностей, - сказал Лемих и сделал большой глоток из бутылки с пивом.

Вообще-то Лемих был мирным. Иногда он даже любил людей, хотя сам этого не замечал. Мы подозревали, что кто-то прокомпостировал Лемиху мозги, хотя и не знали, кто именно.

- Лемих, признайся, кто сказал тебе, что инков надо ненавидеть? – поинтересовался Подше как бы невзначай, задрал голову и любуясь рваным облаком, зависшим над нами и с любопытством наблюдавшим за нашим разговором.

- Я дошел до этого сам, - гордо ответил Лемих, - когда услышал о них от Вани. Они были полными уродами. Почти такими же уродами, как Любители Пива.

- Но ведь ты сам пьешь пиво, - возразил Киря.

- Ну и что. Я ведь не кричу об этом по всем углам, - с достоинством парировал Лемих. – Хотя вообще-то не прочь завести собственную партию. Я бы так и сделал, но неоанархист не может состоять в партии.

Мы так, наверное, и не узнаем, кто прокомпостировал мозги Лемиху. Хотя узнать это было бы очень легко. Достаточно было пойти с ним в компанию к неоанархистам. Там наверняка можно было бы встретить их вдохновителя. Но никто из нас не хотел встретить вдохновителя неоанархистов, хотя все мы жаждали отомстить ему за то, что он прокомпостировал мозги Лемиху.

- Идефикс должен быть мирным, - сказал как-то Киря, когда Лемих ушел с крыши. – Он может быть brutальным, но не должен быть воинственным.

Циничный Подше фыркнул. Он не видел разницы.

- Brutальность – это жестокость, - сказал Подше. – Как жестокость может быть мирной?

Я понял тогда, что Киря попал в плен собственного идефикса. Несмотря на то, что отшутился с помощью злонегов.

- Это мирная жестокость, - объяснил Киря. – Она проявляется только по отношению к злонегам.

Думается, что шведы так не считали. А уж тем более норвежцы. Что бы там не говорили Киря с Цухом, а отцы их идефикса были ничем не лучше человека, прокомпостировавшего мозги Лемиху.

С тех пор, как я это понял, я стал с недоверием относиться к идефиксам. В том числе, к своему собственному. Я даже был готов от него отречься.

- Знаешь, я наверное, уберу шизофрению из интересов, - сказал я Уме.

- Ты смотрел в профиль и тебе не понравилось? – любопытно спросила Ума.

Я смотрел в профиль.

- Ума, ты не хочешь посмотреть на своего племянника? - улыбаясь, сказала Ирен и внесла в комнату трепыхающееся розовое существо в пеленках.

Ребенок. У моей сестры теперь есть ребенок. Надо радоваться. Я должна радоваться, сказала себе Ума и попыталась улыбнуться в ответ.

Комната была большой и таила в себе тревогу. Эти стены содержали что-то, что заставляло ее колени дрожать, а голову – кружиться и болеть.

Глупости, ничего в ней нет, в этой комнате.

- Посмотри, разве он не чудесен? – зловеще сказала сестра. Почему зловеще?

Она хочет мне добра. Все хотят мне добра, надо только об этом помнить. Наверное, со стороны я выгляжу очень странной, подумалось вдруг Уме.

... - Ты немножко странная, - сказал Костя. – Но все равно симпатичная.

В кафе былолюдно и шумно, и Ума не расслышала последних слов.

- Что ты сказал?

- Симпатичная, - улыбаясь, повторил Константин.

- А... спасибо...

Он просто исключительно вежливый человек, подумала Ума. Но все равно это наша первая и последняя встреча. Никто еще не назначал второй встречи, и ее это уже особо не волновало. Она знала все наперед.

Сейчас они выйдут из кафе, Костя предложит проводить ее домой, и она откажется. А потом пойдет по ночной улице и опять будет закрывать глаза каждый раз, когда мимо проезжает машина Смерти, боже мой, при чем тут смерть, просто машина, хотя разве бывает просто машина не сделанная ни ради чего или для благих целей, а потолок все ближе и ближе с тобой все в порядке?

- Что?

- С тобой все в порядке? – повторил Костя, встревоженно глядя в Уме в глаза.

- Да, все хорошо, - растерянно кивнула Ума и дрожащими пальцами вцепилась в бокал с вином. Все хорошо.

... Она шла по ночной улице, а мимо проносились машины. Теплый ночной воздух освежал легкие, и ласкал волосы, а неоновые вывески стлали на асфальт мистический матовый блеск.

Странно ощущать саморазрушение. А это было именно оно, разрушение клеток головного мозга. Каждый раз, когда она теряла себя, тысячи клеток ее мозга погибали в жестокой и мучительной борьбе непонятно за что и непонятно с кем. Она заставляла себя говорить и действовать, несмотря на борьбу. Она удивлялась самой себе.

- Привет, - сказал Костя.

- Привет, - ответила Ума. Она была довольно удивлена таким ходом событий, но предпочитала не подавать виду. – Заходи.

- Да я ненадолго... - Константин замялся и, поколебавшись немного, вытащил из кармана книгу. – Просто хотел тебе подарить книгу. Только не обижайся, хорошо? Пожалуйста, только не обижайся.

Ума привыкла не обижаться ни на что, и взяла книгу.

- Спасибо, - сказала она.

- Ну, я пошел? – вопросительно и как бы извиняясь спросил Константин.

- Удачи, - улыбнулась Ума и закрыла дверь.

***

... - Это специальное устройство, предназначенное как для входа, так и для выхода, - сказал я. – Называется дверь. Впрочем, что я буду рассказывать – ты и так знаешь о дверях и о выходах куда больше меня.

Я открыл дверь в кофейню, и мы вошли. Ума немножко смушалась, но довольно быстро справилась с собой и начала рассказывать.

- Ты хотел знать больше? Ладно, я расскажу. В той книге было написано, как побороть болезнь усилием воли. Любую болезнь, даже шизофрению. И хотя там ни слова не было о моей болезни, я поняла, что это мой шанс. – Мы сели за столик, и я поймал себя на мысли о том, что пытаюсь заметить хоть какой-то признак ненормальности в ее поведении. Похоже, она это поняла.

- У тебя ничего не получится, - весело сказала она. – У меня это получалось скрывать даже во время приступов. А сейчас я совершенно здорова. Врачи долго поражались.

Я тоже был поражен. Девушка, сидящая передо мной, вылечилась сама и решила вылечить мир. Единственным ее оружием было упорство.

- Знаешь, что было моим оружием? – спросила вдруг Ума, внимательно глядя мне в глаза. - То, от чего ты так сбежал. Моим оружием был идефикс.

© Yeg, 2005